

Р. ПУЛЛАТ

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПОЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ТАРТУ С НАЧАЛА XIX СТОЛЕТИЯ ДО 1917 ГОДА

Советскими историками все шире ведутся работы по изучению русско-польских культурных и революционных связей.¹ Однако до сих пор остается не исследованным немаловажный вопрос этой проблемы — роль Тартуского университета в формировании польской интеллигенции и развитии польской науки и культуры. В какой-то мере это объяснимо тем, что проблема общественно-политической роли университетов Польши и России в XIX в. вообще в историографии по существу еще недостаточно раскрыта.

Изучение интеллигенции как социального слоя населения представляет огромный интерес. Вопросы формирования кадров интеллигенции, ее профессиональной структуры следует изучать в тесной связи с конкретной исторической обстановкой. После восстаний 1830—1831, 1863—1864 гг. многие поляки, особенно молодая польская интеллигенция, попали под подозрение и подвергались политическим преследованиям. Изгнанные из школ своей страны прогрессивно настроенные молодые поляки могли продолжать свое образование в школах Эстонии, а затем в Тартуском университете. Другие приезжали в Тарту, убедившись в невозможности получить образование в иных высших школах. Кроме того, Варшавский университет был закрыт в 1831 г. и до 1857 г. в Польше не было высших учебных заведений.

В Тарту царила большая автономия, чем в других университетах России. В XIX — начале XX века Тартуский университет был поистине интернациональным высшим учебным заведением. Выпускники его играли важную роль в развитии ряда национальных культур, в том числе и польской. Поляков, обучавшихся в Тарту, называли и называют дорпатчиками. В период между мировыми войнами существовало в Польше «Towarzystwo Dorpatczykow» с отделениями в Варшаве и Лодзи.

В историографии Советской Эстонии важная проблема истории польско-эстонских связей поднята автором данной статьи. Уже в 1968 г. им опубликован общий обзор основных направлений исследования проблемы.² Исходя из этого, С. Исаков и П. Сигалов дали короткий обзор развития польской науки и литературы в Тартуском университете.³

Автор настоящей статьи использовал материалы, обнаруженные им в библиотеках ЭССР и в Центральном государственном историческом архиве ЭССР (Тарту), в архиве Оссолинских при Львовской государственной научной библиотеке УССР, в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) и в библиотеках Лодзи и Варшавы.

¹ И. С. Миллер, Некоторые общие проблемы истории русско-польских революционных связей. В кн.: Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М., 1968, стр. 3 и след.

² R. Pullat, Dorpatšikud ehk tartlased ja nende mälestusi Tartust. «Keel ja Kirjandus», 1968, № 10, стр. 615—617.

³ С. Г. Исаков, П. С. Сигалов. Роль Тартуского университета в истории польской науки. В кн.: Материалы IX межреспубликанской конференции по истории естествознания и техники в Прибалтике. Вильнюс, 1972, стр. 77—82; S. Issakov, P. Sigalov, Tartu ülikool ja poola kirjandus. «Keel ja Kirjandus», 1972, № 7, стр. 421—428.

Источником для написания статьи в первую очередь послужила мемуарная литература и прежде всего мемуары Бенедикта Дыбовского, Эдварда Хейнриха, Мариана Бонча-Куницкого, Болеслава Лимановского, Г. Мантейффеля, Конрада Миллака, Станислава Стемповского и др.⁴

Кроме того, учтена опубликованная и неопубликованная переписка бывших дорпатчиков. Особенно интересна переписка С. Яниковского, впоследствии профессора Ягеллонского университета, с родителями⁵, а также Титуса Халубинского, И. Бодуэна де Куртенэ и других дорпатчиков.⁶ При дальнейшей работе в польских библиотеках можно, наверно, встретить еще не известные нам материалы.

Одним из бесспорно важнейших источников может служить «Album Academicum» бывших польских студентов в Тарту А. Хассельблата и Г. Отто.⁷ Другая работа А. Хассельблата и Г. Отто тоже несет важную фактологическую информацию.⁸ Статистические данные о польских студентах в Тарту почерпнуты из переписи студентов 1907 г., к сожалению, очень неполной.⁹

Польское студенчество в Тарту бегло анализировал Александр Каминский, ошибочно отнесший Тарту к латвийским городам.¹⁰ Ценнейший материал дал фонд № 402 Тартуского университета при Центральном государственном историческом архиве ЭССР, где сохранились личные дела всех польских студентов. Эти дела большей частью содержат различные заявления студентов ректору, экзаменационные листы, экземпляры докторских работ, истории болезни, составленные студентами-медиками, и т. д. Почти весь этот материал — на немецком и позже на русском языках. Кроме того, в этом фонде имеется материал и иного типа: количество и структура польских студентов, их убеждения и т. п. В связи с этим материалы фонда дают возможность решать более общие задачи исследования, а также выяснять биографические подробности.

Польские студенты стали появляться в Тарту после открытия университета в 1802 г., в 1830-е годы их было здесь около 50. Количество польских студентов возросло после подавления Польского восстания 1830—1831 гг. и закрытия Варшавского и Вильнюсского университетов.

В 1832 г. в Тартуском университете впервые была имматрикулирована большая группа поляков — 12 и в 1833 г. — 16 человек. До 1848 г. количество поступающих оставалось прежним (1838 — 15, 1839 — 14, 1840 — 15, 1841 — 17, 1842 — 14). В 1848 г. этот же показатель увеличился до 30 и в 1858 г. — до 49. В тревожные 60-е годы количество их резко упало (1862 — 2, 1863 — 3 и 1866 — 2).¹¹

По данным Б. Дыбовского, в первой половине прошлого века в Тарту училось более 450 поляков.¹² Во второй половине XIX века удельный вес поляков в Тартуском уни-

⁴ B. Dybowski, *Przed pół wiekiem. Wspomnienia z czasów uniwersyteckich. «Biblioteka Warszawska», 1911, т. II, ч. 2, стр. 242. [E. Heinrich], Luźne Kartki. Ze wspomnień uniwersyteckich, spisane przez starego dorpaczycyka. Warszawa, 1917; M. Bóncza Kunicki, *Fragmenty wspomnień z Dorpatu. (Odpowiedź na ankietę konwentu Polonia w Wilnie.)* Lublin, 1927; B. Limanowski, *Pamiętniki 1835—1870.* Opr. J. Durko. Warszawa, 1957; G. Manteuffel, *Z dziejów Dorpatu i byłego uniwersytetu Dorpackiego.* Warszawa, 1911; K. Millak, *Ośrodek naukowy Dorpacki w historii weterynarii polskiej.* Zeszyty Naukowe SGG w seria Historyczna, Warszawa, 1963, ч. 1, стр. 159—192.*

⁵ S. Janikowski, *Listy z Dorpatu.* Przygotował do druku i przypisami opatrzył Stanisław Konopka. «Archiwum Historii Medycyny», Warszawa, 1959, № 1, стр. 71—149.

⁶ T. Chalubowski, *Listy (1840—1889).* Wrocław-Warszawa-Kraków, 1970; *Archiwum Karłowicza* dzieło III. Gos. научная библиотека АН УССР (Львов).

⁷ A. Hasselblatt, G. Otto, *Album Academicum der Keiserlichen Universität Dorpat.* Tartu, 1889.

⁸ G. Otto, A. Hasselblatt, *Von den 14 000 Immatriculierten Dorpats.* Dorpat, 1891.

⁹ Студенчество в цифрах по данным переписи 1907 года в Юрьеве. С.-Петербург, 1909.

¹⁰ A. Kamiński, *Polskie związki młodzieży (1804—1831),* Warszawa, 1963; «Dorpat to niewielkie miasto w Lotwii, bardzo blisko estońskiej granicy», стр. 532.

¹¹ K. Millak, *Ośrodek naukowy. Dorpacki...*

¹² B. Dybowski, *Przed pół wiekiem,* стр. 242.

Распределение польских студентов по факультетам в 1876—1897 годах *

Год (на 1 января)	Факультет										Общее количество студентов	Из них поляков, %
	Юридический		Медицинский		Историко-филологический		Физико-математический		Всего			
	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%		
1876	18	31,0	24	41,4	11	19,0	5	8,6	58	100	770	7,5
1881	17	21,0	44	54,3	13	16,0	7	8,7	81	100	1065	7,6
1885	15	14,8	61	60,4	13	12,9	12	11,9	101	100	1485	6,8
1890	5	5,1	65	65,6	8	8,1	21	21,2	99	100	1638	6,0
1897	15	17,0	59	67,0	1	1,2	13	14,8	88	100	1730	5,1

* ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, ед. хр. 168, л. 8 и далее.

верситете увеличился. Профессиональная структура польских студентов во второй половине XIX века представлена в таблице.

Данные таблицы показывают, что в конце века в Тартуском университете на одном потоке училось около 100 поляков. Удельный вес их в 1876—1897 гг. колебался от 5,1 до 7,6 процента. Больше всего поляков было на медицинском факультете — до 67,0 процентов.

В начале нашего века количество студентов-поляков увеличилось, превысив 300 человек на потоке: в 1907 г. здесь училось 320 польских студентов, что составило от общего количества студентов (2877) около 11 процентов.¹³

При сравнении данных архивов и «Album Academicum» выясняется, что общее количество студентов-поляков в 1802—1889 гг. в Тартуском университете равнялось примерно 1000 человек, из них 200 человек по происхождению были из Польши, 260 — из Литвы, 150 — с Украины, 250 — из Белоруссии, 160 — из Лифляндии, Курляндии и Эстляндии, остальные — из Москвы, Петербурга и т. д.

Итак, можно считать, что в прошлом веке и вплоть до 1917 г. в Тартуском университете обучалось около 1500—2000 поляков¹⁴, большая часть которых получила дипломы, некоторым была присвоена ученая степень, впоследствии они составили кадры для высших школ Польши и других государств. Многие стали позже известными польскими учеными, общественными и государственными деятелями, писателями.

Кроме университета, в Тарту было еще одно высшее учебное заведение — Ветеринарный институт (основан в 1848 г.), где тоже учились поляки. Во второй половине XIX века этот институт выпустил 653 дипломированных ветеринара, из них 66 с магистерским дипломом, а из 197 польских студентов 148 получили диплом ветеринара и 14 магистерскую степень. Всего за 1848—1917 гг. Тартуский ветеринарный институт окончили 248 поляков, 14 из них со степенью магистра.¹⁵

Большинство студентов-поляков в Тарту составляли именно студенты медицинского факультета университета и Ветеринарного института.

В прошлом веке Тарту приобрел значение польского культурного и студенческого центра. Здесь действовал ряд польских студенческих товариществ. Учившиеся здесь польские студенты позже активно участвовали в польском национальном освободительном движении, в первую очередь в восстании 1863 г., за что многие были сосланы в Сибирь или вынуждены бежать за границу. Не возможно переоценить факт, что поляки организовали в Тарту первый марксистский кружок и занимались распространением марксистских идей.¹⁶ Формирование польской интеллигенции происходило здесь в сравнительно свободной, либеральной атмосфере.

У польских студентов были свои организации. В 1828 г. они основали корпорацию «Polonia» («Полония»); в одно время с другими «ландманншафтами» («Estonia», «Livonia», «Kuronja», «Frat. Rigensis») она была принята в «Cartell» на основе традиций студенческих обществ. Позже был создан «Chargierten convent», куда «Полония» не вошла. «Полонию» в Тарту организовали бывшие студенты Вильнюсского университета из студенческого тайного общества «Филареты», о чем упоминают А. Каминский и А. Томаш Зан. Кроме того, А. Каминский пишет и о возможных контактах филаретов с Тарту уже в 1823 г.¹⁷

В начале 1830-х годов приказом ректора были ликвидированы все корпорации. Некоторые из них возобновили свою деятельность в форме литературных кружков.

¹³ Студенчество в цифрах по данным переписи 1907 года в Юрьеве. С.-Петербург, 1909, стр. 130.

¹⁴ По данным К. Миллака, во второй половине XIX века в Тарту училось 500 поляков, см. K. Milla k, Ośrodek naukowy Dorpacki..., стр. 163.

¹⁵ K. Milla k, Ośrodek naukowy Dorpacki..., стр. 182, 185.

¹⁶ H. Moosberg, Marksistlikud ringid Tartu Ülikoolis ja Veterinaaria Instituudis XIX saj. 80—90-ndatel aastatel. В кн.: Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised. Eesti NSV ajaloo küsimusi. Tartu, 1961, lk. 215—225.

¹⁷ A. Kamiński, Polskie związki młodzieży (1804—1831), стр. 533: «O najdawniejszych dziejach dorpackiej Polonii nic prawie nie wiemy, prócz tego, że miała barwy białą, karmazynową i szafirową...»

Многие члены «Полонии» принимали участие в восстании 1830—1831 гг. и «Полония» прекратила свое существование в связи с этим. В 1854 г. «Chargierten convent» принял решение о том, что с поляками следует обращаться, как с частными лицами (Philistern), а не с буршами.

Польские студенческие организации продолжали полулегальную деятельность. В 1848 г. польские студенты учредили полулегальное товарищество «Ogol», явившееся продолжателем «Полонии». В 1850-х годах от него отделился «Szczegol», куда в основном входили литовцы. В 1861 г. эти общества объединились в «Konwent».¹⁸ В 1888 г. ректор дал ему новое название «Naturwissenschaftliche Gesellschaft oder Verein», так как к тому времени были разрешены научные общества. Поляки же называли его «Konwent polski w Dorpacie». 9 апреля 1909 г. министр народного просвещения вернул обществу старое название «Polonia»¹⁹, сохранявшееся до 1917 г. Тогда общество насчитывало 40 членов.²⁰

В период революции 1905 г. большинство небольших отдельных кружков и организаций (исключая «Конвент» и организованное в 1902 г. Польское общество богословов)²¹ действовало еще нелегально. После революции положение их было легализовано.

В 1908 г. прекратило свою деятельность польское фармацевтическое общество «Znicz», на базе которого образовалось новое — «Lechija».²² В 1910 г. был создан хор польского студенчества²³, а также самая большая из организаций — Общество польских студентов.

При всех организациях были библиотеки. В конце XIX века при «Полонии» действовали литературный, исторический, экономический кружки и кружок по изучению права.

Дорпатчики, как они пишут в мемуарах, относились к Тартускому университету с большим уважением и любовью и в то же время скучали по родине. В мемуарах даются оценки Тарту как городу. С. Яниковский пишет: «Тарту солидный город, красиво застроен, но как все провинциальные города кажется пустым. Особенно тогда, когда большинство обывателей и студентов разъезжается. Для занятий созданы хорошие условия: кроме университета, существуют различные учебные кабинеты».²⁴

В Тарту съезжалась молодежь со всей России, жаждущая знаний, так как в этом университете царила весьма значительная автономия. «Можно сказать, что в Тарту каждый третий русский студент был «политический преступник». С. Стемповский приводит такие имена политически активных студентов, как Проселков, Быстрицкий, Шатаев, Мартынов, Моложавый, Шарый, Листов, Силин и др.²⁵ По данным С. Стемповского, в 1885 г. у студента В. Переляева на квартире была найдена тайная типография, где годом ранее Петр Якубович печатал 10-й номер журнала «Народная Воля», П. Якубовича сослали на каторгу.

С. Стемповский познакомился в Тарту с научным социализмом с помощью поляка д-ра М. Лешника.²⁶ Вокруг Лешника концентрировалось русское и польское студенчество, читавшее «Капитал» К. Маркса, «Утопию» Т. Мора, Каутского, Рудольфа Мейера и других. Автор мемуаров и его друзья переводили статьи Лафарга и Каутского, печатавшиеся в штутгартском журнале «Neue Zeit». Из студентов польского происхождения к марксистскому кружку принадлежали также Станислав Боуфалл, Людвиг Бремер, Станислав Чекановский и др.

Отношения поляков с эстонцами, русскими и украинцами были хорошими. В мемуарах Стемповского о быте Тарту рассказывается мало, но весьма пространно описывается быт поляков. Интересно повествуется о жизни тогдашнего студенчества и в

¹⁸ [E. Heinrich], Luźne Kartki, стр. 29.

¹⁹ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, ед. хр. 624, л. 18.

²⁰ Там же, ед. хр. 449, л. 7.

²¹ Там же.

²² ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, ед. хр. 668, л. 6.

²³ Там же, ед. хр. 624, л. 15.

²⁴ S. J a n i k o w s k i, Listy z Dorpatu, стр. 76.

²⁵ S. S t e m p k o w s k i, Dorpat (1888—1892). Rozdział pamiętników, Wrocław, 1951, стр. 11.

²⁶ H. Moosberg, Marksistlikud ringid Tartu ülikoolis..., стр. 217.

воспоминаниях Мариана Бонча-Куницкого. Он говорит о господствовавших в Тарту во второй половине XIX века академических обычаях, рассказывает о карнавалах, маевках, факельных шествиях. Мариан Бонча-Куницкий высоко оценивает тартускую атмосферу: «Только в Тарту мы жили свободно (кроме кодекса чести). Росли как свободные обыватели, которые выше всего уважают честь, закон и обязательство».²⁷

Этот же автор указывает на анонимные мемуары, по предположению принадлежавшие перу Эдуарда Хейнриха, родившегося в 1840 г. в Варшаве и умершего 26 января 1922 г. в Тарту. Э. Хейнрих был теологом, гуманистом и профессором в Лодзинской высшей школе, сенитором Польского Конвента и живым справочником тартуской жизни. Его часто выбирали верховным арбитром в студенческий суд чести. Э. Хейнрих был одним из организаторов «Тартуского общества» в Лодзи и в Варшаве («Towarzystwa Filistrów Dorpackich w Lodzi i w Warszawie»). Мариан Бонча-Куницкий считал, что ни одно общество дорпатчиков в Польше не обходилось без Э. Хейнриха. Об этих существовавших в Польше тартуских обществах, к сожалению, нет более точных данных, кроме как у автора настоящих мемуаров. Э. Хейнрих тоже останавливается на описании быта польских студентов в Тарту. Поляки селились большей частью на определенных, можно сказать, традиционных улицах. Квартиры переходили от старших к младшим.

Оценивая роль Тартуского университета в формировании польской интеллигенции прошлого столетия, автор отмечает: «Он заменял нам в частности высшие учебные заведения, которых у нас на родине не было ...»²⁸

Тартуский университет, одно из ведущих высших учебных заведений царской России, сыграл значительную роль в формировании польской интеллигенции. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что многие выпускники его заняли ведущее положение в культурной и научной жизни Польши.

Из учившихся в Тарту польских писателей и деятелей литературы можно назвать следующих: Альфонс Валицкий (1808—1858), Александр Гроза (1807—1875), Эдвард Желеговский (1816—1864), Иозеф Бохдан Дзиеконский (1816—1855), Бронислав Залеский (1820—1880), Иозеф Вейсенхофф (1860—1932), Мариан Здзиеховский (1861—1938), Габриэль Корбут (1862—1936), Людвиг Бремер (1832—1936), Ежи Янковский (1887—1941) и известный польский писатель Анджей Ниемойевский (1864—1921).²⁹

В Тарту учился также ряд видных польских ученых, политических деятелей и преподавателей, много сделавших для развития польской науки и культуры.³⁰

Наряду с Врублевским, одним из «последних могикан» польской революционной демократии во второй половине 70-х годов был Болеслав Лимановский. Он родился в Лифляндии в мелкопоместной шляхтской семье. Во время учебы в Московском университете он был членом польских патриотических кружков.³¹ С 11 августа 1858 г. по 31 августа 1860 г. он учился в Тартуском университете³², сначала на медицинском, а с 23 января 1859 г. — на философском факультете. Б. Лимановский писал о годах, проведенных в Тарту: «В Тарту, куда я переселился в 1858 году, мы относились к социализму по-студенчески по конспиративным причинам».³³ С 1870 г. Б. Лимановский обосновал во Львове, где вел пропаганду среди молодежи, рабочих и ремесленников. Книга Лимановского «Социализм как необходимое проявление исторического развития» представляет собой очерк истории социалистической мысли.³⁴

²⁷ M. Bóncza Kunicki, *Fragmety wspomnień z Dorpatu*, стр. 89.

²⁸ [E. Heinrich], *Luźne Kartki*, стр. 9.

²⁹ S. Issakow, P. Sigalov, *Tartu ülikool ja poola kirjandus*, стр. 424—428.

³⁰ *Wielka Encyklopedia Powszechna Ilustrowana*. T. XV, Warszawa, 1895, стр. 864.

³¹ Е. Б. Рашковский. Польские революционные демократы и первые польские социалисты. В кн.: *Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М., 1968*, стр. 328—329.

³² ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, ед. хр. 14964, л. 6 и 9.

³³ M. Zychowski, B. Limanowski 1835—1935. Warszawa, 1971, стр. 15.

³⁴ B. Limanowski, *Socjalizm jako objaw konieczny dziejowego rozwoju*. Lwów, 1879.

В 1883—1893 гг. работал в Тартуском университете известный лингвист, профессор И. Бодуэн де Куртене. Он преподавал в Тарту славянские языки, диалектологию и лингвистическую географию, а также читал спецкурс польского языка.³⁵

Из представителей гуманитарных наук, получивших образование в Тартуском университете, надо отметить историка и археолога Адольфа Павинского, историка и путешественника Александра Яблонского (1829—1913) и др.

Тартуский университет дал Польше много известных медиков, среди них — Титус Халубинский (1820—1889),³⁶ крупнейший польский медик прошлого столетия, основатель курорта Закопане, позже профессор Медико-хирургической академии в Варшаве, Людвиг Тейхман (1823—1895), позже профессор Ягеллонского университета и вице-президент Краковской Академии наук.³⁷ Можно отметить также профессора Юлиуса Шимановского, который с 1859 года работал в Хельсинки,³⁸ Германа Фудакковского (1834—1876), Станислава Яниковского (1833—1881), Игнация Барановского (1833—1891) и др.

В Тартуском институте ветеринарии работали польские профессора Фредерик Аугуст Браиелл (1803—1883), Зигмунт Рокшишевский (1846—1887) и Станислав Давид (1860—1920).³⁹

Из ученых-естественников нужно назвать «нестора польского естествознания» Бенедикта Дыбовского (1833—1930), крупнейшего зоолога, географа, исследователя Восточной Сибири. Велики заслуги в изучении Сибири и другого воспитанника Тартуского университета — Александра Чекановского (1833—1876). Видным польским зоологом и палеонтологом был брат Б. Дыбовского Владислав Дыбовский (1838—1910), который в 1857—1862 гг. изучал в Тартуском университете зоологию.

Список этот велик и рамки данной статьи не позволяют его продолжить, но все имена, которые мы привели и хотели бы привести, подтверждают большое значение Тартуского университета в формировании польской интеллигенции и в дальнейшем развитии польской высшей школы вплоть до 1917 г. Поляки составляли значительную часть Тартуского студенчества и их практическая и научная деятельность представляла существенное значение для Польши с точки зрения истории культуры. Тартуский университет был большим потенциалом для дальнейшего развития польской науки.

³⁵ Archiwum Karłowicza dzieło III, стр. 88. В 1922 г. Польская Социалистическая Партия выдвинула кандидатуру И. Бодуэна де Куртене на пост президента Польши.

³⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, д. 3689; Tytus Chalubiński, Listy (1840—1889). Opracowała Aniela Szwejcerowa. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1970, стр. 31—32; A. Wrzosek, Tytus Chalubiński, Warszawa, 1970, стр. 19—26.

³⁷ R. Pullat, Dorpatšikud ehk tartlased ja nende mälestusi Tartust, стр. 617.

³⁸ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 3, ед. хр. 1862.

³⁹ K. Millak, Ośrodek naukowy Dorpacki..., стр. 185—186.

Институт истории
Академии наук Эстонской ССР

Поступила в редакцию
19/II 1973

R. PULLAT

POOLA INTELLIGENTSI FORMEERUMISEST TARTUS XIX SAJ. ALGUSEST KUNI 1917. AASTANI

Pärast 1830.—1831. ja 1863.—1864. aasta ülestõusu langes suur osa poola noorest intelligentsist oma kodumaal kahtluse ja poliitilise jälitamise alla. 1831. aastal suleti Varsavi ja Vilniuse ülikool. Kuigi poola üliõpilasi oli Tartus õppinud juba sajandi algusest peale, kujunesid eriti nüüd Eesti ala koolid kohaks, kus progressiivselt mõttevad, omal maal tagakiusatud poola noored said haridust jätkata. Paljud neist omandasid küpsustunnistuse siinsetes gümnaasiumides, paljud lõpetasid Tartu ülikooli või Veterinaaria Instituudi. XIX sajandi algusest kuni 1917. aastani õppis Tartu ülikoolis kuni 2000 poola

üliõpilast, kelledest suur osa selle lõpetas kas diplomi või teadusliku kraadiga. Ca 70 protsenti neist õppis arstiteaduskonnas.

Veterinaaria Instituudi lõpetasid aastail 1848—1917 248 poolakat, neist 14 magistri-kraadiga.

1828. aastal asutasid Tartus õppivad poola üliõpilased korporatsiooni «Polonia».

1888. aastal moodustus siin poola üliõpilase M. Lesniki eestvedamisel poola ja vene üliõpilastest koosnev marksistlik ring.

Tartus õppis neil aastail palju kuulsaid Poola ühiskonnategelasi, kirjanikke, arste ja teadlasi, nagu näiteks B. Limanowski, A. Niemojewski, T. Chalubiński, J. Baudouin de Courtenay, B. Dybowski ja A. Czekanowski. Mitmed poola üliõpilased töötasid pärast Tartu kõrgemate koolide lõpetamist õppejõududena Poola ja teiste Euroopa riikide üli-koolides.

Tartu osa poola intelligentsi kujunemisel on raske üle hinnata, tema ülikool aga oli oluliseks potentsiaaliks poola teaduse arengus.

Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Ajaloos Instituut

Toimetusse saanud
19. II 1973

R. PULLAT

ÜBER DIE FORMIERUNG DER POLNISCHEN INTELLIGENZ IN TARTU VOM ANFANG DES 19. Jhs. BIS 1917

Zusammenfassung

Nach den Aufständen von 1830—1831 und 1863—1864 geriet ein Teil der jüngeren Generation der polnischen Intelligenz in ihrer Heimat unter Verdacht und wurde das Objekt politischer Verfolgung. Die Universitäten von Warschau und Wilnius wurden bereits 1831 geschlossen. Eine Anzahl polnischer Hochschüler hatte zwar bereits seit dem Anfang des Jahrhunderts in Tartu studiert, doch wurden die Schulen des estnischen Gebiets erst jetzt der Ort, wo die fortschrittlich gestimmten, in ihrer Heimat unterdrückten polnischen Jugendlichen ihre Bildung fortsetzen konnten. Viele von ihnen machten in den hiesigen Gymnasien ihr Abiturium, viele absolvierten in Tartu die Universität oder das Veterinärinstitut. Vom Anfang des 19. Jhs. bis 1917 verfolgten etwa 2000 Polen in der Tartuer Universität ihr Studium. Die meisten erlangten hier ein Diplom oder einen akademischen Grad. Etwa 70% der polnischen Hochschüler studierten an der medizinischen Fakultät.

Unter den Absolventen des Veterinärinstituts zählte man in den Jahren 1848 bis 1917 insgesamt 248 Polen; 14 von ihnen bestanden das Magisterexamen.

1828 gründeten die in Tartu studierenden polnischen Hochschüler eine eigene Korporation — die «Polonia».

1888 entstand in Tartu auf Anregung des polnischen Studenten M. Lesnik ein aus russischen und polnischen Studenten bestehender marxistischer Zirkel.

In jenen Jahren studierten in Tartu viele späteren berühmten polnischen Schriftsteller, Ärzte, Gelehrten und andere Persönlichkeiten des öffentlichen Lebens, so B. Limanowski, A. Niemojewski, T. Chalubiński, J. Baudouin de Courtenay, B. Dybowski und A. Czekanowski. Nach der Absolvierung der Tartuer Hochschulen waren viele Polen als Lehrkräfte an verschiedenen Universitäten tätig, und zwar sowohl in Polen selbst als auch anderswo in Europa.

Der Anteil der Universität Tartu an der Formierung der polnischen Intelligenz ist schwer zu überschätzen; es war ein wichtiger Faktor in der Entwicklung der polnischen Wissenschaft.

Institut für Geschichtsforschung
der Akademie der Wissenschaften der
Estnischen SSR

Eingegangen
am 19. Febr. 1973